

СИБИРСКИЕ ОГНИ

10

1971

К. АНТОШИН,
А. КЫЗЛАСОВА

От чатхана к роману

Рожденная Великим Октябрем в первые годы становления социалистической Хакасии, набиралась сил, прочно становилась на ноги и молодая хакасская литература. Ее сравнительно небольшой по времени, но достаточно содержательный и поучительный творческий опыт имеет немало важное значение для понимания сложного пути к зрелости младописьменных литератур народов Сибири.

Хакасская литература, естественно, не могла возникнуть на пустыре. В первые дни своего рождения она должна была впитать в себя лучшие достижения и завоевания устного народного творчества, образцы которого бережно хранились и из поколения в поколение передавались наиболее талантливыми представителями национальной культуры. Знакомство с самым начальным развитием хакаской литературы дает возможность заметить, что ее становление протекало при активном использовании писателями народной песни, тахпахы, идущих из седой древности героических сказаний и легенд с их образной поэтической структурой, напевным и мелодичным стихом, богатыми ассоциациями и параллелями, гипербалами и поэтическими противопоставлениями, мудрой аллегорией, т. е. со всем тем, что искони было неотъемлемой принадлежностью родной поэзии, было и оставалось самобытным выражением поэтического мышления народа.

И все же заметим, что фольклор, как таковой, не мог быть единственным и тем более решающим фактором, предопределившим рождение письменной литературы. Социалистическая действительность и социалистическая идеология, животворные ленинские идеи — вот что могло оплодотворить и оплодотворяло народную мудрость и народное искусство, рождало качественно новое явление национальной культуры — национальную литературу.

Не случайно в первых произведениях хакаских авторов рассказ велся о самом

важном и значительном в жизни вчерашних батраков и таежных охотников — о преобразовании родного края, о новой счастливой жизни, расцветающей на берегах Енисея и Абакана. Этот лейтмотив с особой силой звучал в творчестве каждого из пионеров нашей поэзии. Его мы отчетливо слышим в стихотворении М. Аршанова «Дума чабана», построенном на традиционном противопоставлении картин народной жизни в прошлом и теперь:

В давнее время,
Жадное племя «земля нас стигая,
Мы же на свете владела всем — бай,
Байские плечи ничем не владели,
Степь нам служила над нами свистела,
Крышею было... постелью, а небо
В наши года И не было хлеба!
Злая беда, нас не душит, сгибая,
Наши стада Нет шаманов и бая!
Люди труда, и все пастбища наши,
пьем из полной мы чаши.
(Перевод А. Ойслендера)

Стихотворение Н. Доможакова «Уйбатская степь», написанное позже, в первые послевоенные годы, примечательно тем, что в нем автор стремится показать богатую и счастливую жизнь своих земляков, славит нового человека-труженика, рожденного Октябрем:

Трехтонка вместить не сможет
Подарки твои мой друг,
Состав —
И тот не поможет; —
Так много богатств вокруг.
Ведя эшелон по склонам,
Седой машинист в тиши
Лишь скажет тебе
С поклоном:
«Спасибо!»
От всей души.
Да сверху стальная птица,
Крепя на лету крыло.

Посмотрит и удивится,
Как стало у нас светло.

(Перевод А. Ойслендера)

Радостная тональность финала стихотворения была созвучна первым поэтическим произведениям не только хакасской, но и, скажем, якутской, алтайской, эвенкийской литературы.

Кстати, заметим, что новая действительность нередко в произведениях начинающих младописменных литератур одевалась в традиционную народно-поэтическую форму. Но обращаясь к родному фольклору, хакасские писатели одновременно ищут новые жанры и поэтические средства для отображения новой жизни, находя их в творчестве советских писателей, основоположников многонациональной советской литературы.

Таким образом, при наличии богатейшей народно-поэтической основы в советское время объективно возникали самые важные предпосылки для зарождения письменной национальной литературы. Но родиться она могла лишь в результате широко развернувшейся в стране культурной революции, претворения в жизнь ленинской национальной политики, принесшей уже в конце первого десятилетия советской власти в Хакасии ощутимые плоды.

Вполне понятно, что без проведения в некогда отсталом национальном районе культурной революции, без создания целого ряда культурно-просветительных учреждений, учебных заведений и школ, без усвоения хакасами социалистической культуры о возникновении хакасской литературы не могло быть и речи. Поэтому хакасская литература рождается не тотчас же после установления Советской власти, а несколько позже, когда культурная революция все более и более проникала в массы, когда вчера еще неграмотные в своем большинстве хакасы, настойчиво овладевая культурой, приобщаясь к богатейшему искусству ушедших вперед в культурном развитии советских народов, выделяли из своей среды художественно одаренных и талантливых людей, положивших начало письменной литературе. Среди них хакасский народ с благодарностью называет имена В. Кобякова, К. Самрина, П. Штыгашева и позднее пришедших в литературу М. Кокова, М. Аршанова и других.

Пионеры хакасской литературы были для своего времени образованными и культурными людьми, одаренными от природы способностями к художественному творчеству, отлично владеющими народными музыкальными инструментами — чатханом и хомысом, умеющими складывать тахпахи и воспроизводить широко известный у хакасов «хай». И в то же время они были хорошо знакомы с достижениями мирового реалистического искусства, русской и советской классикой.

Что же касается наших авторов, наиболее плодотворно работающих сегодня, то среди них мы теперь, за редким исключени-

ем, не встретим писателей, не имеющих высшего образования. Ведущую роль в национальной литературе играют выпускники Литературного института им. А. М. Горького М. Кильчичаков, М. Чебодаев, М. Байнов. Автор романа «В далеком аале», изданном недавно «Роман-газетой» полумиллионным тиражом, популярный у нас в Хакасии и за ее пределами писатель Н. Доможаков — кандидат филологических наук, доцент Абаканского государственного педагогического института, один из лучших знатоков древнего и современного хакасского языка.

Не будет преувеличением сказать, что первостепенную роль в творческом становлении молодой литературы играла литература русская. Процесс большой творческой учебы, которую проходили и проходят наши писатели у классиков русской и советской литературы, становился возможным лишь в результате овладения хакасскими художниками русским языком: историческое развитие хакасского народа на протяжении более двухсот пятидесяти лет прошло под непосредственным влиянием русского народа. Задолго до Великого Октября для хакасов, работающих вместе с русскими на шахтах и рудниках, в поле, в тайге, необходимость овладения русским языком была продиктована самой жизнью, природой общественного труда. В советское время этот процесс протекал более интенсивно. Первые хакасские писатели обладали весьма ценным и необходимым для плодотворной творческой работы качеством — двуязычием. Они хорошо владели не только своим родным хакасским, но и русским языками. Еще на заре письменной литературы наши писатели стремились приобщить свой народ к произведениям русской, украинской и советской классики, переводя отдельные произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова, Шевченко, Горького на родной язык. Так, например, превосходным знатоком и переводчиком поэмы и стихотворений А. С. Пушкина был В. Кобяков. Ему и его товарищам по перу принадлежат бытующие и поныне точные и выразительные переводы на хакасский стихотворений Д. Бедного, первых советских массовых песен. А в наши дни в этой большой и важной переводческой работе принимают участие все без исключения национальные авторы.

Важно отметить, что хакасские писатели постоянно ощущают внимание и заботу со стороны КПСС и ее руководящих органов, правлений Союзов писателей СССР и Российской Федерации. Жизнь писательской организации в нашей национальной области проходила при живейшем участии как хакасских, так и русских писателей, работавших в одном сплоченном коллективе, объединенном едиными целями и задачами литературной учебы и художественного творчества.

Таким образом, на ранней стадии становления хакасской социалистической культуры, благодаря претворению в жизнь муд-

рой ленинской национальной политики, были созданы все необходимые условия для возникновения и полнокровного развития национальной по форме и социалистической по содержанию литературы, эволюция которой шла по пути широкого использования самобытного народного искусства, опоры на богатые художественные традиции многонациональной советской литературы, овладения писателями и самим народом русским языком, творческой учебы у признанных мастеров русской и советской классики.

* * *

Хакасское народное искусство, как впрочем, и искусство наших сибирских тюркоязычных народов, синкретично. Оно обладает такими чертами первозданной древности, такой художественной силой и выразительностью, которые сообщают ему удивительное своеобразие, неподдельную самобытность. В звучании семиструнного чатхана чуткое ухо хакаса слышит говор прозрачного таежного ручья и шелест траз, топот конских копыт и шум могучей тайги. В горловом пении, одном из самых древних искусств из тех, что дошли до нас из глубины веков, хакас-охотник и пастух улавливали родные и памятные с детства звуки: отдаленный шум горного водопада,дыхание вольного ветра, гуляющего по просторам широких степей и узким горным ущельям, гортанный клекот орла и жужжание похожего на цветок шмеля, летящего над степным многообразием в поисках жвительного нектара.

Под мерные звуки чатхана пели хайджы о жизни и борьбе своего народа, прославляли подвиги алып-богатырей, грудью встававших на защиту родины, на борьбу за счастье и свободу своего племени. Героические сказания были и поныне остаются для хакасов одним из важнейших источников народного искусства и народной памяти. В них запечатлен многовековой народный опыт, находят художественное отражение важные, переломные события давних, но незабываемых времен, содержатся нравственные оценки человеческих деяний, выражены чаяния и ожидания народные, вековая мечта о счастье.

Более ста пятидесяти героических сказаний записано сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Причем подавляющее большинство из них представляет собою самобытные увлекательные поэмы, содержащие рассказ о событиях напряженных и драматических, важных и поучительных.

Народное искусство для хакасов было священным. Благоговейно на протяжении долгой зимней ночи слушали они — как в улусах слушают еще и теперь — длинные, как три зимних ночи, вместе взятые героические сказания, исполняемые хайджем в сопровождении чатхана.

Наше обращение к одному из важнейших источников письменной литературы вызвано насущной необходимостью: своеобразие письменного искусства, завоевания молодой литературы в значительной мере были подготовлены богатством и красочностью фольклора. Недостатки нашей литературы не могут быть глубоко поняты без внимательного и пристального изучения процесса трансформации и усвоения многовекового творческого опыта хакасского народа.

При этом небезынтересно заметить, что фольклор, дав жизнь письменной литературе, продолжал бытовать и живет по сей день среди хакасов. Письменная литература и устное народное творчество движутся параллельно, взаимодействуя и обогащая друг друга, их пути и дороги нередко соприкасаются и перекрещиваются. Одновременное развитие и расцвет устного творчества и письменной литературы среди малодписменных народов Сибири и Дальнего Востока следует рассматривать как своего рода проявление силы и жизнестойкости устного творчества, оставившего в народной памяти неизгладимый след. Впрочем, в отличие от предшествующих, дописменных эпох, в советское время творчество сказителей персонифицировано, их репертуар заботливо собран и изучается.

Развитие молодой национальной литературы — процесс сложный, подчиняющийся своим внутренним закономерностям. Он не зависит от наших желаний и не поддается нашим усилиям ускорить его и преждевременно оторвать от родного фольклора, дающего на первоначальном этапе письменной литературе основные питательные соки. Все дело в том, как использовать народно-поэтическое наследие: живое и творческое его освоение обогащало и обогащает литературу и, наоборот, рабское следование фольклорным традициям, копирование фольклорных сюжетов, слепое использование выразительных и изобразительных средств народно-поэтического творчества всегда оказывалось бесплодным.

Хорошо знают и любят хакасы ставшую хрестоматийной небольшую поэму Н. Доможакова «Лиственничная гора». В основу произведения положена небольшая хакасская легенда, услышанная автором в детские годы от своих родителей. В ней речь шла о горе матери, потерявшей в непроходимой тайге сына, грудного ребенка. Мастерски обработанная легенда под пером поэта приобрела особую поэтическую выразительность и социальную остроту. Произведение насыщено народной поэтикой, в нем умело использованы характерные для народного творчества хакасов символика и аллегория.

Ой, лесистая гора,
Лиственничная гора,
Помнишь ты мольбу мою?
Я тебе ее сплел.
«Я сыночка здесь кладу.
Скоро, скоро я приду.
Ты его оберегай.
Чужим людям не давай.

Ты его оберегай,
Злому ветру не давай!
Отведи рукой беду.
...Я вернулась. Сына нет!
Где сыночек, отвечай?
Но молчит гора в ответ.
И молчит угрюмый край!
Спит лесистая гора,
Лиственничная гора.
Но под самым небосвод.
Не смолкая, гул идет.

(Перевод И. Кычакова)

О плодотворном использовании поэтики народного творчества ярко свидетельствует творчество многих наших писателей: М. Кильчичакова, М. Баннова, И. Костякова, И. Котюшева и др.

Литературоведами и критиками Хакасии (М. Унгивская, П. Трояков) вопрос о фольклоризме в национальной литературе ставился и разрешался на целом ряде примеров, свидетельствующих о жизненности и плодотворности традиций народного устного творчества в практике наших писателей. Так, например, было отмечено, что в поэзии И. Котюшева влияние народной поэзии ощутимо сказывается в принципах изображения жизни и быта людей хакасского улуса, удивительно точных и метких зарисовках природы степной и таежной Хакасии, как будто увиденных зорким глазом таежного охотника. А в творчестве поэта-песенника И. Костякова — в опоре на лучшие достижения народной песни, представленной жанрами тахпах и ыра, но существенно обогащающей традиционные жанры, приносящей им современное звучание.

Для М. Кильчичакова обращение к устному, творчеству родного народа было естественным: в пору детства и юношества он готовился стать народным сказителем хайджи и еще в те далекие годы настойчиво овладевал искусством игры на чатхане и горловым пением. Народное творчество, что называется, впивалось им с молоком матери. Поэтому традиции фольклора наследуются им легко и свободно. И в то же время обращение к художественному наследию своего народа отнюдь не сковывает его творческих возможностей, а помогает глубже и полнее проникнуть в народную жизнь, раскрыть живую душу и нравственный мир современника, его помыслы и стремления. Примечательно в этом смысле его стихотворение «Старая лиственница», в котором М. Кильчичаков создает образ «песенного» у хакасов дерева лиственницы, раскинувшей свои ветви в поднебесных Саянах, дающей приют семье орлов. Каждый год орлы выводят на лиственничной кроне своих птенцов, каждый раз старая лиственница грустит об улетающих на юг возмужавших орлятах. В духе народной поэзии от рассказа о старой лиственнице автор переходит к повествованию о человеческих судьбах, о связях и преемственности между поколениями советских людей:

Пусть в полет устремляются наши птенцы —
Мы в дорогу проводим подросших орлят.
Пусть с высот нашей землю увидят юнцы.
Пусть от края до края ее оглядят.

Ведь нельзя их в гнезде удержат все равно.
Пусть они улетаю — не будем тужить.
Пусть увидят, что нам посматреть не дано...
А для этого стоило, стоило жить!

(Перевод В. Семенов)

В творчестве М. Баннова нашла выражение весьма примечательная для современной хакасской поэзии тенденция к большим поэтическим обобщениям, к осмыслению исторического пути своего народа, художническому постижению его прошлого и настоящего. Вполне оправданным было у М. Баннова в поэмах «Думы о степи», «Напевы любви» и «Путешествие во времени» обращение к мотивам и образам героических сказаний, освещающих события первоначальной значимости в народной жизни (борьба хакасов с монголами за свою свободу и независимость, вхождение Хакасии в состав Российского государства. Великий Октябрь и Отечественная война). Влияние народного творчества в поэмах М. Баннова сказывается не только в образно-поэтических и сюжетных заимствованиях, но и в самой поэтической интонации, эпически спокойной и величавой, напевной. В то же время нельзя не отметить определенную близость произведений М. Баннова к литературно-письменной традиции, к поэзии тюркоязычных народов: в них ощущается способность автора соединить в единый монолитный сплав народно-эпическое и лирическое начала. События прошлого в его поэмах соотносятся с нашим временем, что и придает им актуальное звучание.

Что же касается ранее отмеченного сближения хакасской поэзии с устоявшимися традициями многонациональной советской поэзии, то всего заметнее оно наблюдается в творчестве М. Чебодаева. В его поэзии и прозе обнаруживается способность подметить и осветить существенные перемены в жизни хакасов, произошедшие в последние полтора-два десятилетия, тяга к современной тематике. Существо больших перемен в жизни хакасов теснейшим образом связано с поступательным развитием нашей страны, в экономике и культуре которой все большее и большее место отводится Сибири и сибирякам. Успешное выполнение восьмого пятилетнего плана поставило Хакасию на одно из первых мест по экономическому развитию среди сибирских национальных областей. Директивами XXIV съезда КПСС в новой девятой пятилетке предусматривается строительство целого ряда крупнейших промышленных предприятий на территории Хакасии, влизающих в единый Саянский комплекс. Все это существенно изменяет и в дальнейшем еще более преобразит весь облик нашего края. В некогда бывшей преимущественно аграрной Хакасии уже возник и растет рабочий класс, пополняя свои ряды за счет коренного населения нашей области, родилась и сформировалась национальная техническая интеллигенция.

В поэме «Всего хорошего!» М. Чебодаев ставил перед собой задачу раскрыть

сложный процесс духовного роста целого поколения хакасской молодежи, ее вживание в братскую семью нашей многонациональной интеллигенции. По своей тематике и поэтическому строю творчество М. Чебодаева несет в себе много нового для хакасской литературы. Новая тематика, новое содержание потребовали и новых поэтических средств, ранее недостаточно использованных в молодой литературе. Ставя перед собой цель приблизить хакасский стих к живой разговорной речи, М. Чебодаев обращается к поэтическому наследию В. Маяковского, опыту современных советских поэтов. В то же время стих М. Чебодаева не утрачивает ярко выраженной народности: народно-поэтическое начало и достижения поэтов-предшественников обогащаются в нем за счет творческого усвоения литературно-поэтических традиций.

Однако следует всегда иметь в виду, что фольклор может стать источником не только силы, но и слабости писателя. Дело здесь не в том, что для хакасских писателей присуще благоговейное отношение к творчеству своего народа, а в самой специфике развития современного искусства, в котором устное творчество развивается параллельно с поступательным движением литературы, что не исключает возможности рецидива фольклора в письменной литературе. В некоторых произведениях нашей литературы (поэмы, созданные в годы Великой Отечественной войны по образу и подобию хакасских героических сказаний, поэма Ф. Бытогова «Если сердце в тебе загорится» и др.) материал фольклора освоен механически, отчего сами эти произведения лишены внутренней динамики, описательны, иллюстративны, изобилуют фактами без их художнического осмысления.

С другой стороны, в нашей литературе можно встретить и такие произведения, которые и по жизненному материалу, положенному в их основу, и по характеру освещения этого материала, явно далеко отстоят от уже укоренившихся традиций хакасской поэзии, тяготеют к модернистским новациям формалистического толка. Эксперименты в области бессюжетной поэмы, обращение к чрезмерно усложненным «зашифрованным» поэтическим образам и их бесцельное нагромождение — все это иногда приводит писателя к утрате национального своеобразия, к антихудожественности.

О стремительном взлете младописьменных литератур народов Сибири свидетельствует появление целого ряда значительных прозаических произведений, получивших большую популярность у советского многонационального читателя. Достаточно назвать здесь такие романы и повести, как «Слово апата» С. Тока, «Синий ветер каслания» Ю. Шесталова, «Конец большого дома» Г. Ходжера, «Ханидо и Халерха» С. Курилова, целый ряд романов и повестей Ю. Рытхэу, недавно увидевшую свет «Повесть о светлогловом мальчике» С. Садыг-Оола, романы Л. Кокушева «Арина» и

Н. Доможакова «В далеком аале», и др. создают у читателей представление о значительных завоеваниях сибирских младописьменных литератур, сравнительно быстро вышедших за пределы своих национальных республик, областей, округов, обогащающих нашу многонациональную советскую литературу.

Наши литературоведы и критики, посвятившие свои исследования изучению искусства сибирских младописьменных народов, с полным правом указывают на одно из наиболее характерных явлений в современном поступательном движении этих литератур — их ускоренное развитие. От этом примечательном явлении в творческой жизни наших сибирских «малых» литератур уже было сказано в работах Р. Бикмухамедова, К. Зелинского, Г. Ломидзе, Д. Романенко и др., отмечающих, что за полстолетия Советской власти коренные народы Сибири и Дальнего Востока в лице их наиболее талантливых художников создали самобытное по форме и социалистическое по содержанию искусство, воспитали свою интеллигенцию.

Хорошо известно, что наибольших успехов молодые литературы достигли в жанре поэзии, имевшем предшествующие письменному периоду ярко выраженные богатейшие народно-поэтические традиции. Несколько меньшие успехи и завоевания выпали на долю драматургии и, наконец, с наибольшими трудностями в молодых наших литературах идет овладение прозаическими жанрами: рассказом, повестью и романом. Причина заметного отставания прозы от поэзии в этих литературах кроется не только в отсутствии четкой прозаической традиции в фольклоре этих народов, но, вероятно, и в других мало изученных особенностях и закономерностях их развития.

Хакасская советская литература за прошедшие сорок лет со дня ее зарождения развивалась ускоренно, путь от чатхана к роману она должна была пройти за предельно короткие сроки, успевая творчески переплавить богатый материал новой действительности на основе лучших достижений народного устного творчества и освоения культуры более развитых народов страны. Этим обусловлена еще одна специфическая особенность нашей литературы — неравномерность ее развития, которая проявляется в том, что наряду с рождением отдельных зрелых и несомненно талантливых произведений еще нередко из-под пера наших писателей выходит малохудожественные, посредственные рассказы и повести, носящие описательный характер, лишенные эстетической и познавательной ценности. И дело здесь, очевидно, в определенной незаконченности, незавершенности сложного и порою противоречивого процесса художественного созревания хакасской литературы.

Нами были уже названы наиболее крупные произведения хакасской, тувинской, алтайской прозы. Широкая популярность этих произведений, получивших признание у на-

ишего многонационального читателя, в их большой правдивости и художественной силе, в яркости, типичности образов. Их герои олицетворяют собою типичный в жизни коренных народов южной Сибири процесс духовного прозрения, приобщения под влиянием революции к новой жизни и новому быту, рождение новых общественных отношений, нового человека, ощутившего себя хозяином своей земли.

И все же таких крупных масштабных произведений, являющихся своего рода художественным открытием новых, неведомых доселе нашему читателю земель и народов, пока еще мало в сибирских молодописменных литературах. Их можно перечесть по пальцам.

Хакасская проза пока что обогатила нашу советскую литературу одним и по существу первым таким романом — «В далеком аале» Н. Доможакова.

Судьба хакасского народа в годы революционного обновления некогда «забытой богом» и отдаленной окраины России, коренная ломка старых феодально-родовых отношений среди пастухов и охотников, нещадно угнетаемых баями и шаманами, путь народа к новой жизни и его невольный духовный рост под влиянием ленинских идей — все это вошло в рамки социально-бытового романа, вышедшего из-под пера писателя и явившегося итогом более чем сорокалетнего развития молодой литературы, ее прозы.

Конечно, специфический путь хакасского народа к социализму находит свое отражение в ряде произведений нашей советской литературы: историческое прошлое хакасов, жизнь и быт народа на разных этапах строительства новой социалистической родины освещались в произведениях русских советских писателей Ф. Малова, Е. Филиппова, А. Кожеевникова, Б. Балтера, А. Шеметова. И все же заметны, что произведения прозы, созданные русскими писателями, не могли обладать той глубиной и силой проникновения в народную жизнь, какими обладает роман «В далеком аале», созданный художником, вышедшим из самых низов своего народа и на себе испытавшим байский гнет и жестокость. Большой жизненный опыт в сочетании с незаурядным писательским талантом позволил Н. Доможакову с большей глубиной и психологической достоверностью нарисовать правдивые и яркие характеры тружеников-хакасов: вечного работника, носителя народной мудрости и справедливости дедушки Хоортая, потомственных пастухов-следопытов Сагдая и его сына Сабиса, дочери Хоортая пастушки Домны и внучки Кнай, охотника-сагайда Кормаса, а также русских коммунистов-ленинцев Губенкова, Жаркова, бывшего красноармейца, кузнеца Федора Польшцева, прозванного хакасами Удуг Педором. В романе сильно звучит мысль об интернациональном братстве русских и хакасов, объединенных единой великой целью: убрать с пути хакасского наро-

да баяв и бандитов, махровых националистов, замысливших отторгнуть Хакасию от Советской России.

Все это в сочетании с художественной выразительностью и писательским мастерством выдвигает роман Н. Доможакова «В далеком аале» в первый ряд значительных произведений прозы наших сибирских тюркоязычных литератур.

В последние годы отряд писателей-прозаиков Хакасии пополнился за счет притока молодых свежих сил, группирующихся вокруг литературно-художественного альманаха «Ах таскыл» и областной газеты «Ленни чолы». В шестидесятые и семидесятые годы в хакасскую литературу пришли молодые прозаики Г. Топанов, К. Нербышев, А. Черпаков, Ф. Бурнаков, Ф. Бытотов.

Тематика и содержание рассказов и повестей наших прозаиков многообразны: глубокие изменения в жизни и быте хакасского улуса, духовном облике людей, вызванные внедрением науки и новейшей техники в сельское хозяйство (И. Костяков «Хара Хыс», Ф. Бытотов «Ветвистая черемуха», Г. Топанов «Проточные воды» и др.); переживания людей в трудных испытаниях Великой Отечественной войны и первых не менее трудных послевоенных лет (А. Черпаков «Друзья», И. Костяков «Раненый гусь», А. Самрин «На переправе», К. Нербышев «Артон», Ф. Бурнаков «Брат Клим» и др.); изображение духовного мира и облика молодых рабочих, инженеров, врачей, представителей современной хакасской интеллигенции (И. Котюшев «Сквозь грозу», Г. Топанов «В ночную смену» и др.); путь раскрепощенной хакасской женщины к новой жизни (А. Черпаков «Путь к свету»); жизнь и судьба рядовых хакасов в дореволюционные годы (А. Черпаков «Агоол», Г. Саражаков «Карис и Василиса», А. Халларов «Горькая любовь»).

Разумеется, далеко не все из упомянутых рассказов и повестей с должной художественной силой и жизненной правдой раскрывают обозначенные выше темы, лишь некоторые из них представляют интерес для широкого читателя.

В целом же состояние нашей прозы вызывает озабоченность: в произведениях молодых авторов нередко встречаются такие недостатки, как натуралистическая описательность, отсутствие свежей мысли, незначительность конфликтов, положенных в основу сюжетов, неточность психологической мотивировки поступков героев. И самое главное, современный — новый советский человек, рожденный Великим Октябрем, совершивший подвиг переустройства жизни на социалистических началах, все еще не нашел в хакасской прозе достаточно полного и яркого художественного воплощения. В чем же причины этого отставания?

Главнейшая из них, на наш взгляд, не-удовлетворительная работа писательской организации с одаренными молодыми авторами, неумение направить их способности

по нужному творческому руслу. Нельзя мириться с тем, например, что в Хакасии до сего времени не функционировало молодежное литературное объединение для авторов, пишущих на хакасском языке, не получающих конкретной творческой помощи со стороны старших, опытных писателей. Наши молодые авторы вынуждены посещать занятия литературного объединения им. Георгия Суворова при педагогическом институте, где произведения начинающих рассматриваются лишь на русском языке.

Другая причина — в отсутствии квалифицированной оперативной критики, способной дать должную идейную и эстетическую оценку новым произведениям нашей литературы. Не появляются или почти не появляются в последние годы годовые обзоры новинок хакасской литературы, крайне редки даже обычные рецензии в альманахе «Ах таскыл», и в газете «Ленин чолы». При таком положении дел большинство произведений хакасских писателей не получает никакой оценки, просто замалчивается.

Нельзя не отметить определенной локализации, наметившейся в последние годы в хакасской литературе. Дело в том, что произведения национальных писателей издаются Хакасским отделением Красноярского краевого книжного издательства лишь на хакасском языке. Возможность общения

наших писателей с читателями, представителями разных народов братского Союза, посредством переводов их произведений на русский язык крайне затруднена и чрезмерно ограничена. Лишь при условии издания произведений хакасских авторов на русском языке, при наличии хотя бы небольшой, но достаточно квалифицированной группы переводчиков, способных сделать произведения национальных авторов достоянием широкого советского читателя, можно ожидать последующих значительных творческих достижений, определенной активизации нашей литературы. Так, например, заслуживают, по нашему мнению перевода на русский язык сборники стихов хакасских писателей Н. Доможакова, М. Кильчичакова, М. Чебодаева.

Разумеется, отмеченные здесь трудности и недостатки в жизни молодой хакасской литературы — это трудности и болезни роста. Они со временем — и в этом нет никаких сомнений — будут преодолены и излечены.

Само рождение самобытной хакасской литературы, пройденный ею путь от чатхана к роману являются красноречивым подтверждением высокой оценки многоязычной нашей литературы, прозвучавшей на недавнем форуме советских коммунистов — XXIV съезде партии.